

Игорь ЕРЕМИН

ОХОТА

Для шушенцев он снова на охоте.
Но что-то жаль охотнику свинца.
Вот тетерев замешкался

при взлете,
А он и не поднимет ружьяца.

Вот свежий след на вымокших
суглинках,

А он и не пытается настичь...
Еще одну главу о «русских
рынках»*

Дописывает мысленно Ильич.

Придумали: особый путь России,
Через общину в будущее путь...
А из общины мужики босые
Бредут, повесив лапотки на грудь.

Писания народников обширны.
А, кулаком уже разобщена,
Разорена и куплена община
За мерку ржи, за пригоршню
пшена.

Нет, господа народники!..

Из ссылки
Нелепицы не менее видны.
Ведь коль у вас неверные
посылки,
Так как же будут выводы верны?!

Судьба России!.. Будто с гор
Саянских,
Он многое теперь в ней
разглядел,
Предвидя и беду семей
крестьянских,
Теряющих надежду и надел,

* Так в целях конспирации В. И. Ленин в письмах к родным называл свою работу «Развитие капитализма в России».

И тягу их на заработки в город,
Где жизнь как будто не в пример селу,
А поживешь, — и тут такой же голод,
И тут опять, как в омут, в кабалу.

Так где же выход?.. И борьбы картину
Ильич в уме рисует наперед.
Нет, путь в коммуны не через общину,
А через революцию идет!

И он домой спешит, чтоб о России
Опять писать, ее судьбою жить...
Какого он в лице буржуазии,
Однако, хочет зверя обложить!

— Ну как охота? — спросят в час прихода
Его в селе. И легкость ягдташа
Он вдруг, смутясь, почувствует: — Охота?..
И тут же улыбнется: — Хороша!

НА ЗЕЕ-РЕКЕ

Все лето буйные дожди
Не то от солнца отучают,
Не то от дела отлучают, —
Идут!.. А ты сиди и жди.

Стучит в каптерке домино.
Погуще смога — клубы дыма...
А чем занять себя помимо?
Ведь нет работы все равно.

Вода!.. Всем правит лишь она.
Вот и насос, — а много ль прока,
Раз основание для блока
Строителям не кажется дна?

И, ливнем смытые, летят
Такие камушки с откоса,
Что и смельчак не сунет носа
Под сень его, под камнепад.

Весь будто замер котлован.
Лишь дождь шумит, да у прорана
Река, как зверь, ревет и рьяно
Бьет в перемычку, как таран.

К ней взгляд всей стройки обращен.
И сна не знают инженеры,
И на уме одни примеры
Из прошлых, так сказать, времен,

Когда не сосчитать потерь,
Когда вода легко, как спичку,
Порой ломала перемычку.
Неужто то же и теперь?..

Ну нет, чтоб с техникой такой
И отступать перед стихией!..
Гляжу: водители лихие
Уже маячат над рекой.

Вот красота, когда БелАЗ,
У дамбы развернувшись, с ходу
Ссыпает скальную породу —
Все двадцать с лишним тонн зараз!

А чуть где течь — там приналечь
Уже спешат бульдозеристы
И, сдвинув к месту грунт зернистый,
Как брешь, заделывают течь.

И вроде бы реки напор
Теперь слабей. И дождь редет,
Поскольку туша туч худеет,
Наткнувшись на вершинки гор.

И солнце золотую нить
Луча продергивает смело...
— Ну что ж, и нам пора за дело.
Кончай, бетонщики, курить!

И вот вылизывают дно,
Готовя место для плотины,
Чтобы ни крошки ни единой
И ни соринки ни одной.

И ловит слух, как в мерный стук
Простой лопаты или лома
Опять врывается весома
Вибратора утробный звук,

Как все полней и гуще тембр
Неумолкающих моторов.
Таков уж их рабочий норюв,
Таков уж здесь ударный темп.

Мол, только подавай бетон.
А под умелыми руками
К скале, спрессованной веками,
Сам, как скала, пристанет он.

Мол, покорим наверняка
Тебя, суровая природа,
Тебя, капризная погода,
Тебя, коварная река!

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ

Я ждал: отец придет героем —
С парадной броскостью наград
И тем торжественным настроем,
С каким и впрямь хоть на парад.

Так детство тешится придумкой,
А явь — как на голову снег:
Вошел в калитку с тощей сумкой
Полузнакомый человек.

Его таким ни в коем разе
Не ждал я после проведин.
Была рука на перевязи
И орденюк всего один.

И блеск в глазах его печальных
Лишь оттенял следы мытарств.
И густ был запах госпитальных,
В одежду ввевшихся лекарств.

И что в тот миг: любовь, иль жалость,
Иль оба эти чувства враз
Я ощутил?.. Но так-то сжалась
Душа, что слезы вон из глаз.

— Ну-ну, сынок! — и, сам готовый
Вот-вот слезу пролить, отец
Привлек к себе рукой здоровой:
— Не плачь, — сказал. — Войне конец!

И сумку подал, отвлекая
От грустных чувств... Мол, вот смотри:
Не бог вещь сумочка какая,
Но есть в ней кое-что внутри.

Я за подарком брал подарок,
И каждый: фляжка ль на ремне,
Иль электрический фонарик, —
Живой восторг рождал во мне.

И так он, зная, в глаза бросался,
Что, поглядев со стороны,
Отец и сам заулыбался,
Помолодев, как до войны.

Как будто б я раздвинул шторы,
И на него луч солнца лег.
И засиял на гимнастерке
Победным блеском орден.

Потом и впрямь, как на параде,
Мы шли с ним улицей села.
И столько в каждом встречном взгляде
Я света видел и тепла!

К отцу соседи подходили:
Ну вот, мол, жив!.. А ведь иных
Как в сорок первом проводили,
Так хоть бы весточка от них...

И обнимали за беседой,
Как будто брата своего,
И поздравляли — кто с Победой,
Кто с возвращением его.

ГРИБЫ

Беда, как мы с весны кормились:
Картошка прелая да жмых.
А тут — смотри, какую милость
Природа нам явила вмиг:

Грибы!.. По непросохшим лужам
Летим — десятка два ребят —
К тем долгожданым полукружьям
Таких спасительных опят.

Я на богатую полянку
Напал у леса на краю.
Уже наполнил с верхом банку,
Уже за пазуху сую.

А пот с меня на землю градом,
А комары живьем едят.
Но что такое?.. Вижу — рядом
Хлопочет кто-то из ребят.

Не наш, — в детдомовской рубахе.
— Не тронь, — кричу, — моих грибов!
А он — не видно, чтобы в страхе, —
Мол, просто к драке не готов,

Ослаб от голода в дороге,
Хотел на фронт попасть к отцу...
Сказал и смотрит хмуро в ноги,
И вроде слезы по лицу.

Такая, дескать, неудача:
Вернули!.. Что ж, я не корю
И, добрых чувств к нему не прячу:
— Да собирай ты, — говорю.

Вот круг полянки весь обобран.
И так я рад, что уступил,
Поскольку ощутил, что добрым
Быть как-то проще, чем скупым.

И неприязни нет, и в гости
Его к себе домой веду...

— А ну-ка, дети, дров подбросьте, —
Готовит бабушка еду.

И угощает: — Ешьте, ешьте! —
Качнув печально головой:
Мол, подрасти бы надо прежде,
Чем думать о передовой.

И улыбается чему-то.
Должно быть, весело смотреть,
Как за какую-то минуту
Тарелка может опустеть.

И сыт, а все тревожит запах,
А все притягивает вид
Грибков в чуть видимых накрапах —
Он тоже: — Ешьте! — говорит.

Хлопочет бабушка: — А ну-ка,
Еще одна моя стряпня...
И гладит гостя, словно внука,
То есть почти что как меня.

Я провожу его и, руку
У крайней протянув избы:
— А что? — скажу ему как другу. —
Давай и завтра по грибы!

СЕРДЦЕВИНА

Черный контур веток. Белый снег
Лег везде, где мог, легко и пышно.
Замер лес, как спящий человек, —
Так, что и дыхания не слышно.

Я к стволу холодному прильну,
Как к груди, где бьется жизнь глубоко.
Будто бы ушедшую весну
Мне вернуть не терпится до срока.

Не скажи, что слуху вопреки,
Я опять душою обманулся.

Мне живые чудятся толчки
Под корою, как удары пульса.

Знать, и впрямь при мысли о весне
С редких веток стряхивая иней,
Бродят где-то соки в глубине,
В самой середине — в сердцевине.

Словно в самом сердце у меня!..
Ведь не зря же оба эти слова
По рождению близкая родня:
Жизни ими названа основа.

Вот и думай... Ведь уж коли тлен
В деревце затронул сердцевину,
Сколь ни стой оно без перемен,
А уже мертво наполовину.

И опять весною сухостой
Будет резать глаз в зеленой чаще,
Словно человек с душой пустой
Средь людей с душою настоящей.

И чуть-чуть тревожно за себя...
Пусть не то чтоб я за суетою,
Все в себе хорошее губя,
Стал подобен в чем-то сухостою.

И, однако ж, исподволь в тиши
Нет-нет, а к стволу опять притронусь,
Словно по нему своей души
Невзначай угадываю тонус.

Так ли жил, не тратя даром дня,
Как казалось самому доньине?
В самом деле, как там у меня —
В сердце в середине, в сердцевине?..